Ван Юн почти сходила с ума. Однако она уехала за границу с другой артисткой, которой покровительствовала. Вернувшись, она обнаружила сюрпризы от Ин Рушен.

- Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Ты и мистер Шенг - брат и сестра! Не говори об этом, если не говорила раньше. Почему ты вообще об этом упомянула? Ты еще и призналась, что любила мистера Шенга!

Она была шокирована, узнав, что ее знаменитость и вправду, сестра Шенга, но нескольких месяцев ей хватило, чтобы прийти в себя. Однако поведение Ин Рушен несколько дней назад действительно разозлило Ван Юн.

В этот момент Ин Рушен, которую сейчас ругали, медленно внесла правку:

- Я любила. Я любила лес и море. И что?

Ван Юн задыхалась от ярости. Но, когда она взглянула на безучастную Ин Рушен, то вспомнила, что с ней происходило в последние семь лет и заговорила спокойнее:

- Ру Шенг, я знаю, что в последние годы тебе было неуютно, и мне не понять, как ты страдала... Я не смогу тебя утешить. Сестре тебя очень жаль, но, по крайней мере, сейчас ты здесь. И твоя жизнь станет великолепной, ее никогда не омрачат тени прошлого...

- Хотя я тоже думаю, что у меня будет блестящая жизнь, моей сестре нет нужды восхвалять меня, потому что иначе я возгоржусь и потеряю связь с реальностью, хотя, определенно, это было бы круто. Но, если я буду вызывать у других зависть, это плохо кончится, так что, сестра, не хвали меня.

Ин Рушен нанесла на рисовую бумагу черные чернила. Она удовлетворенно улыбнулась и прервала извинения Ван Юн.

- Ну, я уже готова начать эту блестящую жизнь, так что, сестра, не забудь закрыть дверь, когда будешь уходить.

Ван Юн впервые заметила в своей артистке такой нарциссизм.

После паузы она уже собиралась заговорить снова и неожиданно услышала звук открывающейся и закрывающейся двери. Снаружи стоял мистер Шенг, который несколько месяцев ее не видел.

В отличие от своей прежней мягкости и элегантности, он даже казался немного смущенным и растерянным. Ван Юн впервые видела Шенг Ханза счастливым, злым или незаметным, и ее глаза преисполнились удивления:

- Шенг Ханз, вы...

Прежде, чем она смогла договорить, Шенг Ханз, кажется, вообще ее не заметил. Он искал Ин Рушен и пошел прямо к ней.

Ван Юн, кажется, ощутила это. Она уже собиралась предупредить Ин Рушен, но Шенг Ханз шагал слишком быстро. Он обнял Ин Рушен прежде, чем сказать:

- Рушен.

Его голос был приглушенным, словно он горел в огне.

Неожиданно столкнувшись с этими объятиями, Ин Рушен почти лишилась контроля над собой, и ее голос неожиданно похолодел.

- Отпусти.

Ей очень не нравилось, когда кто-нибудь мешал ей рисовать.

Голос Ин Рушен был крайне холоден. Шенг Ханз инстинктивно выпустил ее на мгновение, но тут же сжал ее талию еще крепче.

- Я не хочу тебя отпускать, и ты не отпускай меня, хорошо?

Он говорил тихо, и в его голосе словно слышалась мольба.

Ван Юн, сначала решив, что Шенг Ханз сбит с толку, теперь была очень удивлена словами, которые услышала от него. Было бы ложью заявить, что ее это не шокировало. Но ведь Шенг Ханз и Рушен - брат и сестра, не говоря уже о том, что Рушен наговорила мистеру Шенгу в последние пару месяцев...

Прежде, чем Ван Юн успела закончить свои размышления, она неожиданно услышала от Ин Рушен слова в стиле Шенга:

- Сестра, можешь сделать мне одолжение? Оттащи его от меня, я должна рисовать.

Оттащить мистера Шенга... выставить его?

Ван Юн была потрясена.

- Убирайся!

Однако в следующий момент взгляд Шенг Ханза неожиданно устремился к Ван Юн, и на мгновение там не осталось той нежной мольбы, с которой он смотрел на Ин Рушен.

Эта перемена была мимолетной, но Ван Юн чуть не задохнулась от этого жестокого давления. Несмотря ни на что, она заботилась об Ин Рушен. Невзирая на свой ужас, она все равно хотела защищать ее от Шенг Ханза. Только в конце концов телохранитель выставил ее.

Вынужденная выйти, она посмотрела на запертую дверь, помедлила и набрала номер Вэнь Синланя.

В комнате, когда все посторонние ушли, Шенг Ханз сжал Ин Рушен в объятиях. Хотя она его и игнорировала, по крайней мере, она не отталкивала его, как прежде. Такой покой неожиданно показался ему удовлетворительным.

Неизвестно, сколько времени прошло так. Он еще дольше простоял бы, положив голову на ее плечо, вдыхая знакомый запах ее тела, в его ушах все еще зудело, а ее руки не прекращали двигаться. На бумаге постепенно расцветал сливовый цветок.

В сравнении с теми работами, что она рисовала семь лет назад, ее навыки рисования, кажется, стали превосходными. Каждый штрих был завершенным.

Восемь лет прошло с тех пор, как он в последний раз видел ее с кистью в руках, расстилающей рисовую бумагу.

Необъяснимо, но он помнит первый комментарий на «Weibo», который показал ему помощник.

«Необходимость терпеть суровую боль от напряжения, может привести к определенным последствиям. В конце концов, рисование через силу приведет к смазыванию деталей».

Он инстинктивно взглянул на Ин Рушен. Ее руки совсем не дрожали, хмурилась она сосредоточенно, а на лице не было ни следа боли. Она нисколько не отличалась от той себя, что с ума сходила по китайскому искусству рисования семь лет назад.

Но его сердце так болело, что он вдруг взял ее за руку с кистью.

- А-Шен, прекрати рисовать, будь хорошей девочкой, не рисуй, ладно? Мы порисуем после того, как твоя рука придет в норму.

Ее неожиданно взяли за руку, не давая продолжать. Ин Рушен слегка нахмурилась, но ей нужно было терпеть. Она еще не закончила эту картину.

- Если мистера Шенга что-то беспокоит, подождите, пока я не закончу рисовать. Теперь вы можете трогать что хотите, но не мешайте мне.

Договорив, она собралась отнять руку, но он неожиданно притянул ее обратно. Как будто не расслышал ее ясно, он сказал снова:

- Ты не будешь рисовать, ладно? Если будешь рисовать и станет еще больнее, что тогда?

Ин Рушен решительно отстранила его руку.

- Мне совсем не больно. Если мистеру Шенгу нужно что-то спросить, подождите полчаса, прежде, чем мы сможем поговорить об этом.

Она знала, о чем думает Шенг Ханз, но ей действительно не было больно. Рисование сливовых цветов не требовало особенных усилий, поэтому ей было не тяжело. Просто ее рука уже не была такой гибкой, и ей непросто было удерживать контроль.

Ее лицо было совершенно безразличным. Казалось, что ей действительно не больно.

Шенг Ханз был потрясен. Он колебался между тем, чтобы отступить, и тем, чтобы проявить упрямство. Неожиданно он увидел сложенные в углу окровавленные книги, которые уже высохли, но все еще были алыми.

Все его тело содрогнулось, а сердце пронзила боль. От его бледного лица совсем отхлынула кровь. Даже на вилле в Наньшане эти книги есть. Казалось ему, что она отчаянно умоляла поверить и говорила, что любит его.

Но тогда он не поверил в это, он сказал, что она заслужила свое, и что ее любовь - дешевка.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда он обнял ее за талию снова и с болью закрыл глаза.

- А-Шен, брат ошибся.

С самого начала и до конца он ошибался и не смел просить ее о прощении.

Ин Рушен проигнорировала Шенг Ханза, но он опять взял ее за руку, когда она уже почти закончила со сливовым цветком..

Она всегда любила заканчивать картины с одного раза.

- Брат не позаботился о тебе восемнадцать лет назад. Из-за этого ты одиннадцать лет страдала. Ему даже пришлось начать работать, чтобы купить принадлежности для рисования. Семь лет назад у меня, очевидно, была возможность забрать тебя домой, но я все равно ошибся... А-Шен, сестра, мне жаль. Мне жаль, что я запоздал на целых одиннадцать лет, и невзгоды, которые ты пережила за последние восемнадцать лет, мне не загладить так легко.

Даже если бы она по ошибке призналась в этом семь лет назад, она смогла бы и сама жить неплохо. Это он своим высокомерием и пренебрежением все разрушил, и теперь она даже не могла жить нормальной жизнью.

Прошлые события проплывали мимо него, и иголки с болью втыкались в его сердце.

Слишком больно.

Его руки крепче обвили ее талию, и правая рука снова неосознанно попыталась помешать ей рисовать.

Слабое ощущение влажности появилось на шее. Должно быть, это рука Шенга.

Шенг Ханз плачет?

Но ей было все равно. Она продолжала двигать рукой, накладывая на лепесток сливы последние штрихи. Она на время убрала руку, но не могла так продолжать и обернулась.

- Я позволила тебе обнять меня. Сестру Юн выгнали, потому что ты так захотел. Чем ты еще недоволен? Как ты можешь так шуметь, пока я рисую? У меня не болят руки. Они не будут болеть из-за какого-то цветка сливы. Президент Шенг, я считаю тебя умственно отсталым, но это не значит, что все так и есть. Ты учишься думать как человек. Дай мне закончить рисовать. Мы же можем поговорить об этом еще раз?

- Ты не сможешь рисовать, пока не вылечишь руку. Я боюсь, будут последствия.

Шенг Ханз проигнорировал насмешку в словах Ин Рушен, он только покачал головой, держа ее за руку. Его лицо было бледным, и он нежно пригладил растрепанные волосы Ин Рушен.

- Это мне, твоему брату, жаль, что ты не хочешь поговорить со мной и ненавидишь меня. Да, ты можешь отомстить, как душе будет угодно, но я хочу сказать тебе кое-что: я скрывал это восемь лет. Прости мне мою трусость. Сейчас я осмелюсь тебе об этом сказать.

Ему не хватило храбрости даже признаться ей в любви, разве он не труслив и слаб?

Выражение его лица стало торжественным, а тон - более официальным.

- Я люблю тебя. Я уже любил тебя восемь лет назад. В чем я ошибался, так в том, что теперь понимаю, что люблю тебя слишком сильно и не могу потерять. Если хочешь, давай отыщем место, где нас никто не знает. Если мы поженимся, никто не узнает, что мы брат и сестра, и никто не посмеет бранить тебя.

Рушен однажды сказала, что любит его, и он подумал, что она опять ему лжет. Но если Ин Рушен всегда была такой расчетливой, разве она правда любила его?

Если Рушен любила его, даже если бы он предал всех, он признал бы это. Кроме того, они сначала не знали, что они брат и сестра,так что дело не в их неразборчивости. Он просто опасался, что Рушен не сможет выстоять перед атаками на нее в онлайне.

http://tl.rulate.ru/book/48823/1508049